

EMK TEOLOOGILISE SEMINARI RAAMATUKOGU

287.7 Metodisti kiriku teoloogia 2003

Рунен, Теодоре

Новое творение: богословие Джона Уэсли ...

EMK 1 2 4 2 4 4

ISBN 5860370490

НОВОЕ ТВОРЕНИЕ

РАНЬОН

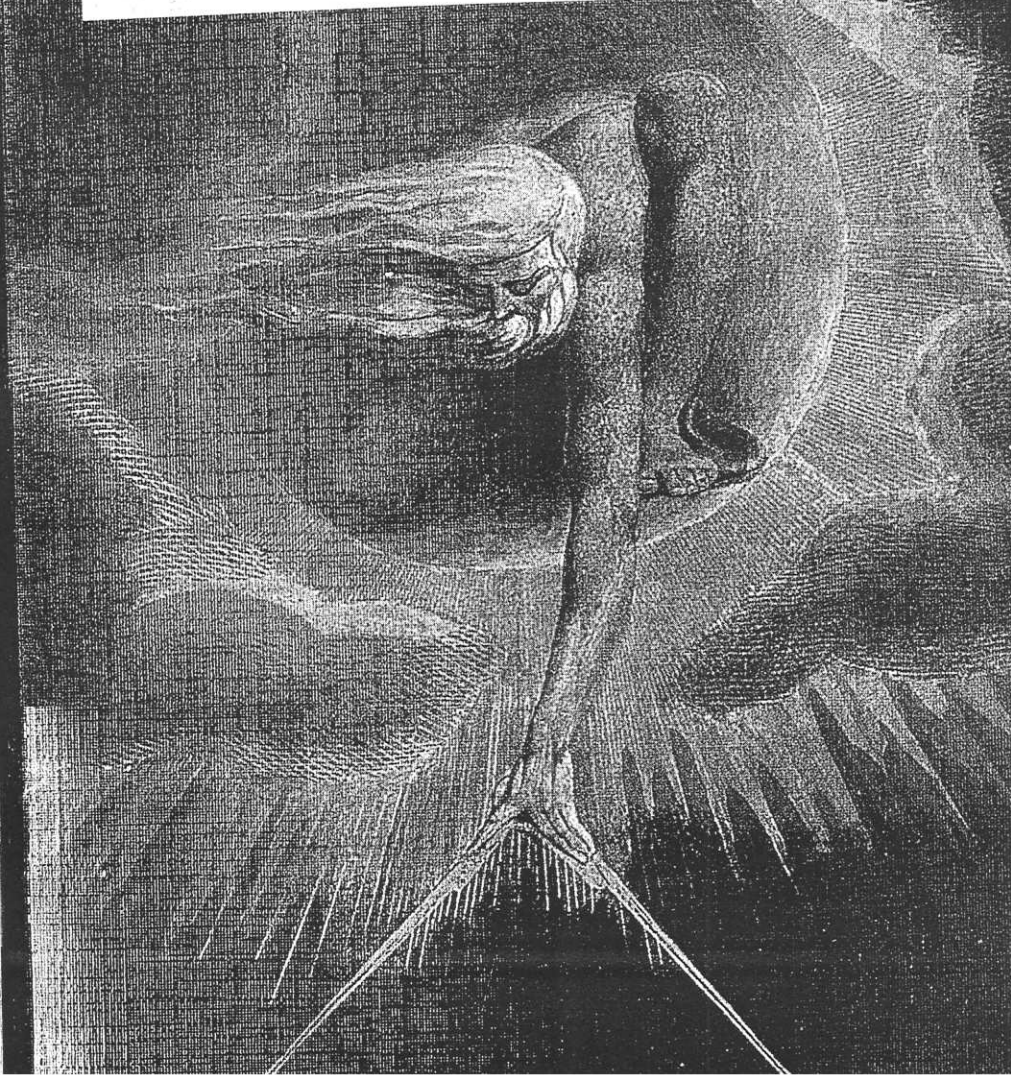
287.7
РУН
RM

11

ТЕОДОР РАНЬОН

НОВОЕ ТВОРЕНИЕ

БОГОСЛОВИЕ ДЖОНА УЭСЛИ СЕГОДНЯ

ТЕОДОР РАНЬОН

новое творение

БОГОСЛОВИЕ ДЖОНА УЭСЛИ СЕГОДНЯ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2003

ББК Э 376.20
Р 222

*Перевод сделан с издания: Runyon, Theodore.
The New Creation: John Wesley's Theology Today.
Nashville: Abingdon Press, 1998.*

Научный редактор д-р филос. наук *Е. А. Степанова*

Переводчики:

«Введение», 1–2-я главы — *Е. Зубкова*; 3, 5, 6-я главы,
«Заключение» — *Д. Мартюшова*; 4-я глава — *Е. Степанова*.

Редактор *Н. В. Чапаева*

Раньон Т.

Р 222 Новое творение: Богословие Джона Уэсли сегодня /
Пер. с англ.; Под науч. ред. Е. А. Степановой. — Екате-
ринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 290 с.

ISBN 5-86037-049-0

Книга Теодора Раньона, профессора Школы теологии Кандлер уни-
верситета Эмори (Атланта, Джорджия, США), посвящена рассмотре-
нию основных тем богословского наследия Джона Уэсли (1703–1791),
основоположника методистского движения духовного возрождения,
возникшего в рамках Англиканской церкви и ставшего одним из важ-
нейших направлений протестантизма. Богословие Уэсли рассматрива-
ется с точки зрения его значения для современного периода развития
христианского вероучения и в соотношении с глобальными проблема-
ми человечества. Книга выходит в год 300-летия со дня рождения
Джона Уэсли.

Предназначена для студентов богословских учебных заведений и
для всех интересующихся христианским богословием.

Р 0403000000–346
182(02)–03

ББК Э 376.20

ISBN 5-86037-049-0

© 1998 by Abingdon Press
© Е. Зубкова, Д. Мартюшова,
Е. Степанова, перевод, 2003
© Издательство Уральского
университета, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение: Новое творение	8
Обновление творения	9
Цель Бога в творении	10
Глава первая. Обновление образа Бога	15
Естественный образ	16
Политический образ	19
Моральный образ	20
Первородный грех и человеческое состояние, лишенное благодати	22
Глава вторая. Благодать в новом творении	32
Предваряющая благодать	34
Незаметная природа благодати	37
Роль совести в предваряющей благодати	38
Благодать, предложенная всем	40
Оправдывающая благодать	50
Уверенность	69
Глава третья. Преобразующая благодать	88
Перерождение	88
Духовные чувства	91
Освящающая благодать	100
Природа греха	105
Возрастание любви	108
Полное освящение и христианское совершенство	110
Глава четвертая. Христианское сообщество	
и средства благодати	129
Значение средств благодати	135
Общества, классы, группы и их задачи	144
Таинства	158
Причастие	158
Крещение	171

Глава пятая. Ортопатия и религиозный опыт	182
Ортодоксия, ортопраксия и ортопатия	183
Восприятие благодати	186
Определение опыта	189
Ощущения как «таинство»	193
Определение признаков ортопатии	199
Глава шестая. Уэсли сегодня	209
Права человека	211
Бедность и права малоимущих	227
Права женщин	238
Проблемы окружающей среды	246
Экуменизм Уэсли	253
Пуританство	254
Англиканство	256
Моравианский лютеранский пиетизм	257
Римский католический мистицизм	259
Восточное православие	260
Единство толерантности и убежденности в условиях плюрализма	262
Заключение: Переосмысление освящения	275

Интересующему меня предмету, заставившему написать эту книгу, посвящена шестая глава. Я задал себе вопрос: что является причиной возрастания социальной значимости методизма в течение последних двух с половиной столетий? Содержание методистского свидетельства описано в книгах таких авторов, как Вебб, Бреди, Камерон, Чилкот, Эдвардс, Харкнесс, Натсон, Дженнингс, Маркуарт, Семмел, Шервин, Смит, Снайдер и Вермаус. Поэтому читателям, которые интересуются главным образом тем, насколько применимо учение Уэсли для решения таких современных проблем, как права человека, бедность, права женщин, окружающая среда, а также проблем развития церкви (экуменизм, религиозный плюрализм и др.), я советую начать чтение этой книги с шестой главы «Уэсли сегодня».

Однако я убедился в том, что социальная значимость не существует сама по себе, она укоренена в богословии, которое начинается с сотериологии. Затем в нем рассматривается «великое спасение», которое начинается на индивидуальном уровне, но представляет собой явление космического масштаба, *новое творение*, изменяющее все стороны человеческого существования, как личного, так и социального. Это значит, что для понимания значения Уэсли для сегодняшнего дня не только желательным, но и абсолютно необходимым является исследование богословских оснований его учения.

Я благодарен Францу Хилдебрандту, который преподавал богословие Уэсли в университете Дру в то время, когда я был там студентом. Я благодарен также исследователю уэслианства Уильяму Р. Кеннону, моему первому декану в Школе теологии Кандлер, а также Доу Киркпатрику, который возродил

Введение

НОВОЕ ТВОРЕНИЕ

«Он уже обновил лицо земли. И у нас есть все основания надеяться на то, что он будет продолжать начатое им дело до дня пришествия Господа Иисуса, что он не прервет это благословенное действие своего Духа до тех пор, пока не осуществит все обетования, пока не положит конец греху и несчастью, слабости и смерти и не восстановит всеобщую святость и счастье, так что все обитатели земли будут вместе воспевать “Аллилуйя! Слава Господу Богу Всемогущему!”. “Да будет благословение, и слава, и мудрость, и честь, и сила, и могущество Богу нашему во веки веков!”»¹.

Это выражение надежды на ожидаемое обновление проходит практически через все проповеди Джона Уэсли последних годов его долгой жизни. На склоне своих дней реформаторы часто чувствуют усталость и разочарование, которое накладывает отпечаток на воспоминания о прежних успехах и победах. У Уэсли было достаточно оснований волноваться за будущее своего движения. Он видел, что его последователи разделились в спорах по поводу проблем, которые ему самому казались второстепенными. Рост числа методистов вызвал рост оппозиции со стороны церкви, которую он любил и которой был в высшей степени предан. Воздержанность и бережливость методистов привел к увеличению их материального благосостояния, заставляя Уэсли опасаться, что внутри движения зреют ростки его дальнейшего распада. Но, несмотря на все эти черные тучи над горизонтом, в проповедях богослова присутствовали надежда и истинная убежденность. На чем основывалась эта надежда? Каковы были ее богословские и практические обоснования? На что

она опиралась? И можно ли испытывать такую же надежду не только во времена Уэсли, но и сегодня? Более того, что она может дать христианскому сообществу в более широком масштабе? Есть ли здесь такие мысли, которые отвечают потребностям всей церкви, а посредством ее и всего мира? Таковы некоторые вопросы, на которые стремится ответить эта книга. В ней исследуются основания и структура богословия Уэсли и ставится вопрос о его значении для современности.

Обновление творения

Уэсли определяет суть христианства как обновление творения и всего сотворенного мира через обновление человечества по образу Божьему. «Вы знаете, что великая цель религии — это обновление наших сердец по образу Божьему»². Самый известный в XX в. исследователь уэслианства Альберт Аутлер называет это обновление образа Божьего «осевой темой» уэслианской сотериологии³. «Тогда Бог “обновит” нас “духом ума нашего” и “сотворит нас заново” по образу Божьему, по которому мы и были созданы вначале, — говорит Уэсли, цитируя Послание к ефессянам, 4:23, и Послание к колоссянам, 3:10⁴. Мы проследим развитие темы *нового творения* в учении Уэсли, чтобы понять ее значение для его времени и для сегодняшнего дня.

Образ Божий — не новая тема. Она прослеживается не только в истории сотворения мира, содержащейся в Книге Бытие, но и в новозаветных рассказах о восстановлении и обновлении в том виде, как это понималось и провозглашалось церковью в течение столетий. Однако трактовка Уэсли этой традиции и ее следствий, отмеченные им искажения и сделанные им заключения отличаются от подходов не только предшествовавших ему реформаторов, но и от многих «уэслианцев», которые считали себя его последователями. Более того, проведение параллелей между ситуацией XVIII в. и нашей собственной приводит к ошеломляющим выводам, несмотря на то, что нас разделяет более двух столетий. Эти параллели делают диалог с богословием Уэсли исключительно плодотворным не только для тех, кто принадлежит к уэслианской традиции, но и для современной экуменической мысли.

Цель Бога в творении

Уэсли отмечает, что первоначальное творение в том виде, как оно описано в Библии, нельзя объяснить с точки зрения разума или опыта. Оно есть обнаружение божественного начала. Нельзя, глядя на современное человечество, сделать вывод о том, каким оно было первоначально сотворено. Между нами и нашим первоначальным состоянием лежит грехопадение. Убеждение Уэсли в том, что мы можем прийти к пониманию божественной цели первоначального творения, основано на двух источниках — на библейской истории о сотворении и на библейских пророчествах о грядущем «конце времен». Более того, именно этот «конец времен» привлекает его особое внимание, так как в «какой-то степени» мы можем ощущать как Божью цель по отношению к нам, так и первые признаки грядущего века в том, что «Бог устанавливает свой трон в наших сердцах»⁵. Из этого предвкушения Царства возникает страстное ожидание того времени, когда «познание Бога в любви, создающее единую, непрекращающуюся святость и счастье, покроет всю землю»⁶. Обращение из молитвы «Отче наш»: «Да придет Царствие Твоё, да будет воля Твоя и на земле как на небе», — выражает ожидание этого завершения, когда

«все жители земли, вся человеческая раса смогут исполнять волю своего небесного Отца с таким же *желанием*, как и святые ангелы, и делать это *постоянно*, как и ангелы, не прерывая своего добровольного служения. Более того, люди смогут делать это *совершенно*, ибо Бог мира... для совершения своей воли может сделать их совершенными в каждом хорошем деле и действовать во всех них, приятных его взору»⁷.

В отрывке, который показывает нам, как Уэсли совмещал различные стихи из Писания, он предвидит это совершенное будущее Царства Божьего, сравнивая его с настоящим:

«...представьте эту полноту времен и осуществленные пророчества!.. Там не будет слышно грохота орудий, никакого угрожающего звука, одежды не будут обгагряться кровью (см.: Ис. 9:5)... и никакое царство или город не будет разделен сам в себе (см.: Лук. 11:17), вырывая свои собственные внутренности... Там не будет притеснения, делающего мудрого глупым (см.: Еккл. 7:7),

притеснения и угнетения бедных (см.: Ис. 3:15), никакого воровства, грабежа и несправедливости, ибо каждый будет довольствоваться тем, что есть (см.: Евр. 3:15). Там «правда и мир облобызаются» (Пс. 84:11), и Господь утвердит корни их, и они наполнят землю (см.: Пс. 79:10). Праведность расцветет по всей земле, и мир, идущий с небес, будет наполнять все собой»⁸.

В этом видении цели творения, вытекающей не только из божественных обетований, но и из уже существующих признаков обновления в жизни верующих, Уэсли находил свидетельство изначального замысла Господа о мире. Слова из Книги Бытие: «...и сказал Бог, что это хорошо», произносимые в конце каждого дня творения, свидетельствуют о первоначальной гармонии. Уэсли описывал ее такими понятиями, которые, как бы мы сказали сегодня, свидетельствуют об *экологическом балансе*. «Все, что было создано, было хорошо. Все находилось в согласии с замыслом о себе, предназначено для укрепления целостности всего творения и прославления великого Творца». Все части Вселенной находились в соответствующей «связи друг с другом и представляли собой единую систему», которая отражала преизобильное милосердие «Автора всех вещей». «Райское место — земля — обеспечивала пищу для всех своих обитателей, так что никто из них не испытывал никакой нужды или искушения преследовать друг друга... но все твари ощущали... благоволение своего великого Творца».

«Таким было состояние творения, как мы можем судить о нем, исходя из наших скудных представлений, когда его великий Автор, обзревая всю систему в целом, говорил: “и это хорошо”... С божественного престола снисходила “золотая цепь” (по выражению Платона), которая соединяла все существа сверху донизу: от мертвой земли, через ископаемые, овощи и животных, до человека, сотворенного *по образу Божьему* и призванного знать и любить своего Создателя и превозносить его перед всей Вселенной»⁹.

Для того чтобы сотворенный человек, являющий Бога в мире, мог делать это в свободном ответе сердцу Создателю, он «был наделен не только чувством и разумом, но и волей... свободой, силой управлять своими эмоциями и действиями, способностью к самоопределению и к выбору между добром и злом». Если бы человечество не обладало этой свободой, мы не имели

бы способности «к святости или к какой-либо добродетели, подобно куску дерева или мрамора»¹⁰. Но трагедия человеческой ситуации заключается в неправильном использовании этой свободы. Люди взбунтовались против Творца, разрушив отношение, для которого они были созданы. «Ослушавшись Бога, Адам разрушил себя, утратил благосклонности Бога и его образ и навлек на себя и на свое потомство болезненные последствия греха»¹¹. Отвернувшись от Бога для того, «чтобы обрести счастье независимо от него... он вовлек не только себя, но и все связанное с ним творение в разруху, бедствия и смерть»¹².

Здесь Уэсли описывает грехопадение как историческое событие с далеко идущими последствиями. И на более глубоком уровне он рассматривает фундаментальную природу человеческих проблем: человек отказался от свободы, данной ему для позитивных отношений с Творцом, создав самодостаточный мир. Уэсли отвергал точку зрения, согласно которой зло происходит из материальной природы мира. Зло «было необходимым результатом не материи, но духа». Материальный мир — это часть доброго творения. Но когда человеческий дух, который тоже является его частью, использовал свою свободу против Творца, «целая армия зла, совершенно новая и дотоле неизвестная, набросилась на взбунтовавшегося человека и другие твари и распространилась по всей земле»¹³.

Тем не менее Господь не отверг свое творение из-за непослушания. На вопрос: «Предвидел ли Господь то, что Адам употребит своей свободой, знал ли он о пагубных последствиях этого для последующих поколений, и почему он допустил непослушание?»¹⁴, Уэсли отвечал: Господь допустил непослушание потому, что божественное лекарство против этого безмерно превосходит пагубные последствия грехопадения. Ибо ответом Бога на грехопадение Адама было то, что он открыл человечеству возможность достичь «большей святости и счастья на земле, чем человечество могло бы иметь, если бы Адам не согрешил. Ибо если бы Адам не согрешил, Христос бы не умер»¹⁵. Такова теодицея Уэсли, объяснение того, почему Бог допустил зло в мир. Здесь он следует классической традиции *felix culpa* (счастливой вины). Бог «видел, что допущение грехопадения первого человека имеет благоприятные последствия

для человечества в целом, что потомство Адама получит неизмеримо больше добра, чем зла, что даже если грех распространится по всей земле, благодать все равно останется преизобилующей»¹⁶. Утрата первоначального образа Божьего сопровождается возможностью приобретения нового образа, восстановленного благодатью. Как об этом пишет апостол Павел, «тем и предопределил быть подобным образу Сына Своего» (Рим. 8:29), ибо «в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Филип. 2:5), что позволяет людям облечься «в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его» (Кол. 3:10).

«Хотя вся человеческая природа получила смерть через Адама, это не значит, что Сын Божий должен был приобрести нашу природу. Не видите ли вы, что именно это было основанием его прихода в мир?.. Не для того ли “Слово стало плотью”, чтобы излечить нас? Ибо “как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут” (1 Кор. 15:22)... Если бы это было не так, не было бы места любви Сына Божьего к человечеству... Не было бы веры в Сына Божьего, который возлюбил нас и отдал себя за нас. Не было бы веры в Духа Святого, обновляющего образ Божий в наших сердцах»¹⁷.

Таким образом, космическая драма обновления творения начинается с обновления *imago Dei* (образа Бога — лат.) в человечестве. Это положение есть ключ ко всей сотериологии Уэсли. Несмотря на важность его собственного опыта переживания лютеровского учения об оправдании верой, который он приобрел благодаря моравским братьям, Уэсли не разделял их отождествления спасения с оправданием и настаивал на том, что «великое спасение» не может остановить обновления первоначального замысла о человечестве — быть образом Божиим на земле.

¹ Sermon 63, «The General Spread of the Gospel», § 27. In: *The Works of John Wesley*, 2:499, begun as «Oxford Edition of the Works of John Wesley» (Oxford: Clarendon Press, 1975–1983), continued as «The Bicentennial Edition of the Works of John Wesley» (Nashville: Abingdon Press, 1984). В настоящее время опубликовано 15 из 35 томов. В дальнейшем тексте данное издание обозначается как *Works*.

Основные цитаты из работ Уэсли приводятся по этому изданию. Другие издания цитируются в тех случаях, если соответствующие тома *Works* еще не опубликованы. Для удобства читателей во всех ссылках на работы Уэсли из разных изданий приводятся названия его трудов, а также номера разделов, которые Уэсли ввел в некоторых сочинениях, особенно в проповедях. Указываются даты писем и дневниковых записей. В ссылках на произведения Уэсли его фамилия не упоминается. Во всех других случаях даются фамилии авторов.

² Sermon 44, «Original Sin», § III. 5, Works 2:185.

³ Ibid., Works 2:185n. 70.

⁴ Sermon 76, «On Perfection», § II. 4, Works 3:77.

⁵ Sermon 7, «The Way of the Kingdom», § 1. 12, Works 1:224.

⁶ Sermon 63, «The General Spread of the Gospel», § 1. 8, Works 2:488.

⁷ Sermon 26, «Sermon on the Mount, VI», § III. 10, Works 1:584. Ср.: Henry H. Knight III, *The Presence of God in the Christian Life: John Wesley and the Means of Grace* (Metuchen., N. J.: Scarecrow Press, 1992), 73. Найт считает, что Уэсли, рассматривая «замысел Бога о творении... в перспективе его конца», переворачивает кальвинистский подход, который основывался на том, что история предопределена еще до начала творения. Для Уэсли, наоборот, «[в личной истории] постоянно присутствуют новые возможности посредством творческой силы Святого Духа».

⁸ Sermon 4, «Scriptural Christianity», § III. 3, Works 1:170–71.

⁹ Sermon 56, «God's Approbation of His Works», § 1. 12–14, Works 2:395–97.

¹⁰ Sermon 57, «On the Fall of Man», § 1. 1, Works 2:400–401.

¹¹ Sermon 61, «The Mystery of Iniquity», § 1/2, Works 2:452.

¹² Sermon 56, «God's Approbation of His Works», § II. 3, Works 2:399.

¹³ Ibid., § II. 1, Works 2:398.

¹⁴ Sermon 59, «God's Love to Fallen Man», § 1. 3, Works 2:424.

¹⁵ Ibid., § 1. 1, Works 2:425.

¹⁶ Ibid., § 3, Works 2:424.

¹⁷ Ibid., § 1. 1–2, Works 2:425–26.

Глава первая

ОБНОВЛЕНИЕ ОБРАЗА БОГА

Традиционно образ Бога в человеке ассоциируется с теми уникальными способностями и возможностями людей, которые отличают их от других существ. Так, современные Уэсли деисты идентифицировали этот образ с *разумом*, а вскоре после Уэсли философ Иммануил Кант отождествил его с *сознанием*¹. Разум и сознание рассматривались как присущие людям возможности, которые могут дать доступ к божественному началу. Напротив, Уэсли рассматривает образ не как то, чем владеют люди, а с точки зрения их отношений с Богом и жизни в мире в свете этих отношений. Так, в одной из своих ранних проповедей он пишет, что люди получают любовь от Бога, а затем *отражают* эту любовь на другие творения². Образ — это не есть человеческие способности или наследуемые качества, но живые отношения, порожденные божественной благодатью. Такое понимание образа присутствует в особенности в традиции восточных отцов церкви, греческих и сирийских отцов первых пяти веков христианской эры, которые оказали, как мы увидим, большое влияние на богословие Уэсли. Понятие «зеркала» было для них метафорой человечества, призванного не только быть зеркалом Бога в своей собственной жизни, но *отражать* полученную им благодать на весь мир и тем самым передавать жизнь Бога всему творению³. Следовательно, образ понимается не как независимая сила, действующая сама по себе на основании своих, хотя и данных Богом, возможностей, но как посредник, постоянно получающий от Бога то, что следует передать дальше. Это есть отражение Творца в действиях. Как мы увидим, дело обстоит именно так даже тогда, когда Уэсли описывает «естественный образ», определяемый

им в понятиях разума, воли и свободы. Эти категории рассматриваются не столько как внутренние возможности, сколько как функции, которые, в зависимости от их отношения к Богу, могут быть использованы во имя добра или зла.

Поэтому образ Бога в понимании Уэсли лучше всего можно определить как призвание, данное людям свыше, исполнение которого составляет их истинное предназначение. Так как образ не является врожденным, его можно разрушить, утратить или предать. Он содержится не столько в самих творениях, сколько в отношениях людей с Творцом и в использовании даров и возможностей, данных им для того, чтобы жить в единении со своим источником и отражать этот источник миру.

Естественный образ

По Уэсли, существуют три способа отражения Бога людьми: как *естественный* образ, как *политический* образ и как *моральный* образ⁴. Первый из них, *естественный образ*, состоит из тех даров, которыми благословлен сотворенный человек и которые делают его «способным быть с Богом». Это значит, что души способны вступать в сознательные отношения с Богом. Так же как Бог является Духом, так и образ Бога — тоже дух. И в качестве духа образ также наделен *пониманием* (или разумом), *волей* (или волеием) и *свободой*.

«[Человек] — это не просто материя, горсть земли, кусок глины без чувств и понимания, но дух, подобный Творцу, сущность, наделенная не только чувством и пониманием, но также волей, проявляющей себя в разнообразных аффектах. И наконец, он был увенчан свободой, властью направлять свои чувства и действия, способностью к самоопределению, к выбору добра или зла»⁵.

«Разум» — это термин, который обычно используют для описания качества, отличающего людей от животных. Но Уэсли считает, что это неверно. «Отложите этот двусмысленный термин [“разум”], — предлагает он. — Замените его на простое слово: “понимание”. Кто может утверждать, что звери им не обладают? С таким же успехом мы можем утверждать, что у них нет зрения или слуха»⁶. Ясно, что Уэсли отводит разуму

более скромную роль, чем большинство мыслителей эпохи Просвещения. Метафизические и мифологические качества разума («божественная искра») отменены, их заменили функциональные свойства. Существуют три способа функционирования разума: *восприятие*, «постижение вещи в разуме»; *суждение*, сравнение восприятий друг с другом; *рассуждение*, «движение мысли от одного суждения к другому»⁷. Таким образом, разум помогает нам понять исходный уровень взаимодействия вещей, что дает возможность определять порядок отношений между вещами и выносить правильные суждения⁸. Взгляд Уэсли на работу разума основан на эмпирической модели, и он отрицает у разума прямую возможность интуиции, приписываемую ему Декартом, кембриджскими платонистами и деистами. Уэсли не отрицает, что изначально человеческий разум мог иметь прямой доступ к познанию божественного начала посредством интуиции. «Вероятно, человеческий дух, как и ангельский, тогда [т. е. перед грехопадением] распознавал истину с помощью интуиции. Поэтому [Адам] дал имя каждой твари, как только он ее увидел, соответственно ее внутренней природе»⁹. Но человечество больше не обладает разумом, способным к такому интуитивному доступу к божественному, и поэтому оно полагается на информацию, получаемую с помощью чувств. Тем не менее способности ума необходимы для того, чтобы делать выводы из данных, поступающих из органов чувств. И трудно переоценить значение этих рациональных способностей для духовной твари.

Более того, разум может быть выгодным для религиозной веры. «Если вы спросите: “Что разум может сделать в религии?”, я отвечу: “Он может очень много, как в отношении ее основания, так и структуры”»¹⁰. Без разума невозможно было бы описать простые принципы веры, присутствующие в Писании и выраженные в Символах веры. «Разве не разум (с помощью Святого Духа) дает нам возможность понимать, что провозглашают Писания о сущности и качествах Бога?»¹¹ Разве не разум дает нам возможность постичь природу наших взаимоотношений с Богом и путь спасения, а также значение веры в жизни? И поэтому понятно, писал Уэсли в письме к Томасу Ратерфорту, что «отменить разум — значит отменить религию,

что религия и разум идут рука об руку, и что иррациональная религия — это ложная религия»¹². Безусловно, для Уэсли есть пределы использования разума в религии¹³, и он заботится о том, чтобы разум действовал функционально (а не мифологически).

Два других признака природного образа — это *воля и свобода*. Они идут вместе, потому что Уэсли признает, что человеческая воля была искажена грехопадением. Человеческое непослушание прервало отношения между образом и Богом, и поэтому изначальная тенденция человеческой воли стала стремлением к своекорыстности и самоутверждению. Другими словами, падшая воля находится в рабстве у сил зла. Однако если это рабство полное и у воли нет свободы, то она не может быть морально ответственной. Но чтобы Божий суд был действительно справедливым, необходима определенная степень свободы воли. «Простую машину нельзя ни оправдать, ни осудить. Невозможно справедливо осудить камень за то, что тот упал на землю»¹⁴. Без свободы «и воля, и понимание были бы полностью бесполезны», потому что тогда не будет способности действовать, т. е. способности ставить и преследовать цели. «Тот, кто не свободен, является не *активным* субъектом [агентом], но *пассивным* объектом [пациентом]», т. е. тем, кто пассивно переживает то, что происходит, но не может нести за это ответственность»¹⁵.

Уэсли убежден, что любящий Бог через предвосхищающую благодать предоставляет «степень свободы каждому человеку», которая также дает начало универсальному феномену сознания, «этому сверхъестественному свету, просвещающему всякого человека, приходящего в мир»¹⁶. Однако в отличие от того, что позже говорил Кант, Уэсли полагал, что эта свободная воля не является естественной. «Я понимаю ее не как естественную свободную волю в наличном состоянии человечества»¹⁷, но как сверхъестественный, божественный дар для восстановления падшей твари до состояния ответственности и деятельности. Божественный дар свободы дает сознанию чувствительность и воле — силу выбирать добро и противостоять злу.

Таким образом, разум (или понимание), воление (или воля) и свобода являются основными характеристиками духовного

существа, которое несет в себе *естественный* образ Бога. В своем описании естественного образа Уэсли ближе всего подходит к традиционному пониманию образа как возможностей, которыми владеет человечество. Однако даже здесь очевидно, что эти возможности являются дарами, данными для того, чтобы люди могли исполнять свое призвание: отражать своего Творца. Эти дары расцветают, если используются в соответствии с волей давшего их Бога, но их также легко исказить, если использовать в эгоистических интересах твари. Поэтому эти возможности не являются нейтральными, они приобретают определенный характер в зависимости от качеств тех отношений, в которых они применяются.

Политический образ

Политический образ — это второй первоначальный способ, которым человечество отражает своего Творца. Бог наделил свое творение способностями к лидерству и управлению, чтобы человек был «наместником на земле, князем и правителем этого низшего мира». Как сказал об этом псалмопевец, «Ты сделал его, чтобы властвовать над работою рук Твоих; Ты положил все у его ног; всех овец и быков, и зверей полевых; птиц небесных, рыб морских, и все что проходит по дорогам и морям!»¹⁸. Тем самым человечеству было дано привилегированное положение и особая ответственность по отношению к остальному творению. Уэсли полагал, что это не должно повлечь за собой установление абсолютного различия между человечеством и другими существами. По его мнению, животные «были наделены *пониманием* не в меньшей степени, чем они обладают им теперь. У них также была *воля*, включая различные ощущения, которыми они наслаждаются и теперь. И у них была свобода, способность выбора, которая в некоторой степени и теперь присутствует в каждом живом существе»¹⁹. Поэтому все другие творения, хотя и в меньшей степени, чем люди, соучаствуют в естественном образе Бога. Через политический образ человечеству была дана особая ответственность быть «каналом связи» между Творцом и остальным тво-

рением, чтобы «через него все Божьи благословения текли» к другим существам²⁰. Таким образом, человечество является образом Бога *настолько*, насколько щедрость Бога отражается в действиях людей по отношению к остальному творению. Эта роль распорядителя и смотрителя за творением предполагает постоянную верность порядку, установленному Творцом. Только на этом основании человечество может ожидать, что порядок мира под его управлением будет сохранен: «Как послушание Богу в любви было совершенством человека, также и подчинение человеку в любви было совершенством зверей... Мы можем догадываться о том, как *прекрасны* были многие из них [до грехопадения], видя то, что осталось до сих пор. И это относится не только к благородным тварям, но и к тем, кто на порядок ниже»²¹. В этих отрывках выражена любовь Уэсли к животным, которую он испытывал с детства. Он пишет, что место животных в Божьем творении «заслуживает более пристального внимания, чем ему обычно отводилось»²². В наше время осуществление человечеством своей роли политического образа Бога непосредственно влияет на наши отношения не только с другими тварями, но и со всей окружающей средой. Мысли Уэсли по этому поводу будут проанализированы в шестой главе. Там речь снова будет идти о том, что качество образа в его политическом измерении зависит от качества отношений «князя и правителя» с Творцом.

Моральный образ

Третья характеристика образа Бога — это *моральный образ*. Согласно Уэсли, это есть главный признак отношений человека с Богом, и именно он легче всего искажается. Естественный образ состоит из даров, большинство из которых сохранились в человечестве после грехопадения, хотя и в извращенной форме. Политический образ — это образ, который человечество продолжает нести, хотя и в искаженной форме, из-за гордыни, эгоизма и ненадежности состояния человека в падшем мире. Но моральный образ не есть ни внутренняя способность человека, ни функция, которую можно использовать неза-

висимо от Творца, потому что этот образ заключается в отношениях с Богом, в которых творение постоянно *получает* нечто от Творца и передает полученное дальше. «“Бог есть любовь”: соответственно, человек в момент творения был полон любви, которая была единственным принципом всех его настроений, мыслей, слов и действий. Бог полон справедливости, милосердия и истины; таким же был и человек, когда он вышел из рук своего Творца»²³. Исполнение человечеством морального образа зависит от получения из божественного источника того, что мы не можем дать сами, но можем лишь показывать в той мере, в которой продолжаем получать из него и быть послушными. «Послушание» не сводится к подчинению правилам. Там, где это происходит, мы находимся в отношениях с правилами, но не с Творцом. Послушание²⁴ — это постоянная открытость к восприятию жизни, проистекающей из творческого источника, к получению любви, справедливости, милосердия и истины от Бога и, в качестве образа Бога, к исполнению и передаче дальше всего того, что мы получили. Эти отношения Уэсли назвал «духовным дыханием»:

«Это есть вдыхание Бога в нашу душу и наше выдыхание того, что мы изначально получили от Бога; это есть постоянное *действие* Бога по отношению к душе и *ответное действие* души по отношению к Богу; это есть явленное сердцу и воспринятое верой присутствие любящего и прощающего Бога; это есть непрекращающийся возврат любви, прославления и молитвы, приношение всех мыслей наших сердец, всех слов наших языков, всех дел наших рук, всего нашего тела, души и духа для того, чтобы быть святой жертвой, угодной Богу во Христе Иисусе»²⁵.

Как образ Божий мы призваны постоянно вдыхать в себя это дыхание жизни, которое исходит от Духа Божьего, и постоянно выдыхать тот же дух в жизнь в служении Богу, нашим ближним и всему творению. Человечеству как естественному, политическому и моральному образу дана эта решающая роль отражения и отображения Творца и передачи божественных благословений.

Но что же произошло? Почему человечество перестало выполнять эту роль? Как получилось, что мы бросили «не только [себя], но также и все творение, которое было тесно связано с

[нами], в беспорядок, страдания и смерть?»²⁶ Для ответа на эти вопросы мы обратимся к тому, как Уэсли понимал грехопадение и первородный грех.

Первородный грех и человеческое состояние, лишенное благодати

Уэсли систематически проводил различие между доктринальными «мнениями» и «сутью христианского учения» или «сущностью веры». Доктринальные мнения допускают различные подходы. Но то, что Уэсли называл *аналогией веры*, есть «связная цепь истин Писания», которые составляют саму суть христианского учения. Это истины, существенные для истории спасения. Они состоят из «трех важнейших библейских доктрин — о первородном грехе, об оправдании верой и о святости, являющейся их результатом»²⁷. Эти доктрины говорят о *человеческом состоянии*, описывают *божественный ответ* на него и объясняют *средства обновления человечества*. Поскольку доктрина о первородном грехе — это доктрина, описывающая состояние человечества, она служит предпосылкой доктрин, которые обычно привлекали основное внимание Уэсли, а именно о предвосхищающей благодати, оправдании и освящении. Доктрина о первородном грехе была так важна для Уэсли, что его самый длинный полемический очерк (около 272 страниц) был ответом на книгу Джона Тейлора «*Библейская доктрина о первородном грехе*» («*The Scripture Doctrine of Original Sin*»)»²⁸. Интерпретация богослова, с точки зрения Уэсли, значительно умаляла значение этой важной доктрины. Тейлор стоял на точке зрения деистов, согласно которой человеческий грех в основном является результатом дурных привычек, порожденных влиянием окружающей среды и усиливающих то, что Тейлор называл «плохим образованием». Это дурное образование затем поддерживается силой привычки. Но грех не является врожденным или унаследованным человеческой природой. Когда негативные моральные влияния заменяются позитивными, когда разум и сила воли воспринимают примеры моральной добродетели в качестве образцов поведения, тогда че-

ловеческая склонность к греху может быть побеждена, а силы зла постепенно уничтожены. Традиционное понимание первородного греха, по мнению Тейлора, уводит нынешнее поколение от ответственности. Поскольку источник зла помещен в отдаленное прошлое, мы просто оказываемся жертвами этого прошлого. Поскольку грех универсален, мы ничего не можем с этим поделать. Тейлор полагал, что для усиления человеческой ответственности необходимо было развенчать традиционную доктрину.

Уэсли не в меньшей степени, чем Тейлор, хотел подчеркнуть человеческую свободу и ответственность. Однако он был убежден в том, что в подходе Тейлора не уделяется должного внимания склонности человеческого сердца ко злу, в чем, с точки зрения Уэсли, можно было убедиться эмпирически. В подходе Тейлора также недооценивается необходимость нового творения, «рождения свыше», если человечеству действительно необходимо восстановиться в качестве образа Божьего. Если нет фундаментальной проблемы, тогда не нужно и ее фундаментальное решение и состояние человечества может быть поправлено хорошими намерениями и честными попытками, использующими уже существующие человеческие ресурсы. Для Уэсли эта проблема является более глубокой и требующей более радикального решения. Каково же состояние человечества? Разве Библия описывает людей как рационально мыслящих, или нейтральных, или ведущих в какой-то мере извращенное существование? «Непослушание» — это не просто неповиновение правилу, как можно предположить по поводу истории, изложенной в Книге Бытие. Это есть выход за пределы, отвращение от тех отношений, для которых были сотворены люди. И когда это отвращение происходит, отношения в их подлинном смысле умирают и заменяются искаженными отношениями, отмеченными человеческой ненадежностью, тревогой, ложной гордыней и безответственностью. Настоящей целью Уэсли в описании грехопадения было отражение состояния человечества, раскрытого в истории из Книги Бытие. Это то состояние, которое требует более радикального ответа, чем могли предложить деисты.

«Адам испытал отчуждение от Бога в тот день и час, когда он отведал от запретного плода. И он немедленно доказал своим поведением то, что любовь Бога в его душе, которая была теперь “отчуждена от жизни с Богом”, погасла. Вместо этого он теперь оказался под властью рабского страха, так что он скрылся от присутствия Господа... “чтобы спрятаться от Господа Бога среди деревьев сада”. Таким образом, он потерял как знание, так и любовь Бога, без которых образ Божий не может существовать»²⁹.

В результате наш разум, воля и свобода теперь служат искаженным человеческим целям. Их используют для того, чтобы дать рациональное объяснение нашим своекорыстным целям, защитить нас от опасностей, которые мы навлекли на себя сами, и идеализировать наше рабство. Таким образом, «естественный образ» Бога в нас хотя и не оказался потерянным, т. е. стерт, но стал искаженным, т. е. направленным на цели, противоречащие первоначальным. Свобода используется для обращения к себе, а не к Богу и к ближнему. Воля посвящена нашим собственным желаниям, а разум служит рациональному объяснению и извинению наших грехов.

Так же и «политический образ», хотя мы и сохранили его возможности, направлен к превратным целям. Правительство развращено, и земля страдает от нашей эксплуатации. Мы мало думаем о служении, мы думаем только о себе и о наших сегодняшних нуждах и желаниях, а не о жизненно необходимых нуждах будущих поколений. Мы продолжаем властвовать над нашими меньшими собратьями по творению, говорит Уэсли, но другие животные теперь боятся нас, и мы сохраняем контроль над ними только принуждением и силой.

«Большая их часть сбежала [от человека] и упорно избегает его ненавистного присутствия. Другие не считаются с ним и разрушили бы его, если бы это было в их силах. И только некоторые животные, которых мы обычно называем домашними, более или менее сохранили свое первоначальное место (по милости Божией). Они все еще любят [человека] и слушаются его»³⁰.

Если естественный и политический образы в людях еще существуют в искаженном варианте, то моральный образ почти полностью стерт. После разрыва отношений с Творцом первоначальные характеристики образа были заменены на про-

тивоположные. Вместо того, чтобы отражать Бога, человек стал «образом дьявола»³¹, т. е. отношения с Богом были заменены отношениями со злыми силами мира (см: Рим. 1:25) — слепыми амбициями, эгоизмом и жадностью, жестокостью и притеснением. И это не просто богословское суждение, говорит Уэсли. История, описанная в Писании, подтверждается эмпирически:

«Насколько точно... все окружающие нас вещи, даже лицо всего мира, согласуются с этим описанием? Откройте свои глаза! Посмотрите вокруг! Вы увидите темноту, которую можно почувствовать; увидите невежество и ошибки; увидите десятки тысяч форм пороков; увидите сознание вины, страха, горя, стыда, угрызений совести, забот, покрывающих лицо земли! Вы увидите несчастье, дитя греха. Вы везде увидите болезни и боль, унаследованные каждым народом под небом, увидите бедных беспомощных сынов человеческих всех возрастов, вплоть до врат смерти... “В Адаме все умерли”. Он обрек свое потомство на ошибки, вину, печаль, страх, боль, болезни и смерть»³².

Согласно Уэсли, именно к человечеству в этом состоянии и обращена благая весть. Если это описание человеческого положения неверно, если люди на самом деле не страдают от состояния, которое они сами не могут преодолеть без помощи извне, тогда деизм прав, и все что нужно — это хорошие примеры для подражания и воля, чтобы им следовать. Однако если необходимы не просто благие намерения и ободрение, не простые примеры и сила воли, но преобразование — новое рождение и новое творение, восстановление морального образа, а через него — возвращение божественной любви, справедливости, милосердия и истины для исполнения естественного и политического образа, — то полумер будет недостаточно. «Узнай свою болезнь! Тогда узнаешь, как исцелиться!» — этим изречением пользовался Уэсли³³. Но сначала требуется поставить правильный диагноз.

Деисты, конечно, основывались на менее радикальном взгляде на состояние человечества. Если полагаться на разум как на основной источник исправления человеческого состояния, то он не должен быть искаженным или изуродованным. Уэсли не был склонен к тому, чтобы не считаться с разумом и с его

законной силой. И действительно, он укорял тех своих последователей, которые чернили разум и считали его бесполезным³⁴. Но он также был озабочен тем, чтобы внутренние возможности человека не подменяли собой необходимость вмешательства божественного Духа в процесс обновления. Оно заключается в изменении образа Бога. И человечество само не может восстановить моральный образ или изменить естественный и политический образ, потому что оно не обладает тем фундаментальным отношением, на котором основаны эти образы. Истинный образ может быть восстановлен только с помощью возобновления связи между образом и источником — когда Бог опять становится Творцом и Подателем жизни, а человечество — истинным творением и подлинным образом Бога.

Новое творение! С точки зрения Уэсли, это есть *sine qua non* (обязательное условие — лат.). Если человечество должно стать отличным от того, что оно представляет собой сейчас, любыми способами пытаюсь обеспечить себе безопасность, то необходимы превосходящие ресурсы, соучастие в божественном Духе, синергия (совместное действие)³⁵ и сотрудничество. Через сотрудничество Творец информирует, побуждает и вдохновляет творение на осуществление исходной цели человеческого существования. У человечества нет будущего без такого сотрудничества в завете с «Творцом и Отцом всего живущего»³⁶. Восстановление истинного образа не может произойти без Бога, который отражен в нем. Но *человечество* не может само начать эти отношения. Мы не можем вступить в этот завет, так как инициатива должна идти с другой стороны. Один из богословов двадцатого века, пришедший к тому же выводу, сказал: «Последний, самый значимый, но и самый простой факт есть то, что мы *не можем иметь Бога без самого Бога*»³⁷. И эта инициатива называется *благодатью*³⁸.

Эти же представления лежат в основе смелого ответа Уэсли по поводу интерпретации первородного греха Тейлором. Взгляды Тейлора были с готовностью восприняты во многих церковных кругах. Один епископ сказал: «Я не знаю другой такой книги, которая правильнее, чем эта [книга Тейлора], приводила бы в порядок принципы молодых священнослужителей». Однако, с точки зрения Уэсли, такое поверхностное виде-

ние человеческой ситуации отменяет необходимость более радикального решения. В своем полемическом ответе Тейлору, озаглавленном «Доктрина первородного греха в соответствии с писанием, разумом и опытом», Уэсли идет дальше исходного обращения Тейлора к разуму и к Писанию и обращается к опыту³⁹. Добавление понятия «опыт» было значительным методологическим нововведением⁴⁰. Тем самым Уэсли ввел эмпирический компонент в теологическую аргументацию, которая до этого основывалась на обращении к трем авторитетам: Писанию, традиции и разуму. Здесь видно влияние на Уэсли философа Джона Локка. Локк выступал за то, чтобы эмпирические доказательства и опыт рассматривались в качестве важного источника суждений. И действительно, Уэсли начинает не с библейского повествования о грехопадении, а с обобщения исторических данных и современных ему примеров, чтобы показать универсальность и постоянство человеческого зла. «Прежде, чем мы попытаемся рассмотреть какой-либо факт, мы должны быть уверены в самом факте, — писал он во вступительной статье «Прошлое и настоящее состояние человечества». — Поэтому давайте сначала познаем реальное состояние человечества, а затем постараемся его объяснить»⁴¹. Таким образом, он исходит из исторических свидетельств и современного состояния человечества. Везде в человеческом опыте он находит доказательства отчаянного состояния человечества, как на Востоке, так и на Западе, как среди протестантских, так и среди «папских» наций. Кажется, никто не свободен от развращения грехом, кем бы он ни был: юристом или купцом, политиком или судьей. И самое сильное свидетельство он видит во всемирной практике использования войны для урегулирования человеческих споров.

«Существует более сильное и более неоспоримое доказательство того, что основания вещей, как гражданские, так и религиозные, полностью потеряны как в христианском, так и в языческом мире... Существует война... между людьми! Война между христианами! Я имею в виду тех, кто несет в себе имя Христа и исповедует путь, по которому надо «идти, как он шел». Кто может примирить воюющих? Я уж не говорю о религии, но хоть в какой мере о разуме и о здравом смысле»⁴².

Перечисляя причины войны, Уэсли не без сарказма повествует о том, как обычно расширялась Британская империя, и иронизирует по поводу миссионеров:

«Другая причина войны состоит в следующем: есть команда, подгоняемая штормом в неизвестном направлении. В конце концов она достигает земли и причаливает, и ее принимают с радушием. Эти люди дают стране новое имя; устанавливают камень или гнилую палку как напоминание о себе; они убивают дюжину местных жителей, а пару из них уводят силой. Так устанавливаются новые права владычества: посылаются корабли, местные жители выгоняются или уничтожаются. И все это делается для того, чтобы цивилизовать и обратить в веру варваров и язычников»⁴³.

От причин войны он переходит к «спокойному и беспристрастному» суждению о ней самой:

«Сорок тысяч мужчин собрались на этой равнине. Что они собираются делать? Посмотрите, на небольшом расстоянии стоят еще тридцать или сорок тысяч. И одни собираются прострелить другим головы или тела, заколоть их, размозжить им череп и послать большинство их душ в вечный огонь как можно быстрее. Зачем? Что плохого они им сделали? О, совсем ничего! Они их совсем и не знают. Но человек, который является королем Франции, поссорился с другим человеком, который является королем Англии. Поэтому французы должны убить как можно больше англичан, чтобы доказать, что король Франции прав. Какой прекрасный аргумент! Какой метод доказательства! Какой замечательный способ решать разногласия! Каким же было человечество до того, как на земле стало известно о войне?.. Если все нации: языческие, магометанские и христианские — прибегают к этому способу для решения своих проблем, какие еще нужны доказательства того, что все нации отошли от самых простых принципов разума и добродетели, от абсолютной необходимости, здравого смысла и простой человечности, которые проходят через всю историю человечества?»⁴⁴

Свидетельствуя об обратном, можем ли мы «серьезно говорить о “достоинстве нашей природы” в ее нынешнем состоянии»⁴⁵? — спрашивает Уэсли, доказывая, что «вселенское несчастье является одновременно и следствием, и доказательством... вселенского развращения»⁴⁶. Не только Библия и христианская традиция доказывают реальность и постоянство греха, но так-

же эмпирическое свидетельство показывает неопровержимость доктрины первородного греха.

После завершения своего трактата Уэсли написал Джону Тейлору письмо, которое должно было навсегда рассеять мнение о том, что Уэсли был равнодушен к доктринальным вопросам:

«Я уважаю Вас как человека необычайного ума и способностей, но Вашу доктрину я не могу уважать. С некоторых пор я считаю, что моя обязанность — высказать свое отношение к Вашей доктрине о первородном грехе. Это дискуссия *de re* (по существу — лат.), если подобное когда-либо существовало в этом мире. Действительно, она касается самого важного вопроса, и более того, это вещи, имеющие отношение к нашему вечному миру. Христианство или язычество? Ибо, если убрать библейскую доктрину об искуплении и оправдании, о новом рождении, о начале освящения или (что то же самое) объяснить их так, как это делаете Вы, согласно Вашей доктрине о первородном грехе, — то чем тогда христианство будет лучше язычества? Если сохранить в исправленном виде некоторые из наших понятий, то имеет ли религия св. Павла какие-либо преимущества перед Сократом или Эпиктетом?..

Вопрос вот в чем: является ли то, во что люди верили многие века во всем христианском мире, реальными, надежными истинами или же это монашеские мечтания и бесполезные фантазии?..

Или я, или Вы ошибаетесь в христианстве с самого начала до конца! Или моя схема, или Ваша противоречит Писанию так же, как Коран. Моя или Ваша? Ваша прошла по всей Англии и обратила многих. Я атакую ее от начала до конца. Пусть вся Англия судит, можно ли ее защитить или нет»⁴⁷.

Ясно, что существуют доктрины, которые не являются просто «мнением», а представляют собой описание сути христианского понимания спасения. И для Уэсли доктрина о первородном грехе была одной из них. Он часто упоминает другие основные доктрины, и прежде всего доктрины об оправдании и об освящении. Они представляют собой божественный ответ на человеческий грех, и именно к ним мы теперь и обратимся.

¹ Immanuel Kant, *Lectures on Ethics* (New York, 1963), 133.

² Sermon 141, «The Image of God», § 1. 2, Works 4:295.

³ См.: John Meyendorff, *A Study of Gregory Palamas* (London: Faith Press, 1964), 120. Благочестивые взгляды Паламы были развиты Макарием, который также оказал значительное влияние на Уэсли.

⁴ Sermon 43, «The New Birth», § 1. 1, Works 2:188.

⁵ Sermon 57, «On the Zfall of Man», § 1, Works 2:400–401.

⁶ Sermon 60, «The General Deliverance», § 1. 5, Works 2:441.

⁷ Sermon 70, «The Case of Reason Impartially Considered», § 1. 2, Works 2:590.

⁸ Sermon 60, «The General Deliverance», § 1. 1, Works 2:439.

⁹ Sermon 62, «The End of Christ's Coming», § 1. 3, Works 2:474.

¹⁰ Sermon 70, «The Case of Reason Impartially Considered», § 1. 6, Works 2:591.

¹¹ Ibid., Works 2:592.

¹² Letter to Thomas Rutherford (March 28, 1768), *The Letters of the Rev. John Wesley, A. M.*, ed. John Telford, 8 vols. (London: Epworth Press, 1931), 5:364. Далее обозначаются как: Letters (Telford).

¹³ См.: Sermon 70, «The Case of Reason Impartially Considered», § II, Works 2:593–600.

¹⁴ *Predestination Calmly Considered*, *The Works of the Rev. John Wesley, M. A.*, ed. Thomas Jackson, 3rd ed., 14 vols. (London: Weslean Methodist Book Room, 1872), 10:234. Далее обозначаются как: Works (Jackson).

¹⁵ Sermon 62, «The End of Christ's Coming», § II. 4, Works 2:475. Концепция субъекта (агента) у Уэсли совпадает с концепциями, распространенными в его время. Согласно им, само-сознающий и само-определяющийся агент действует не только в религии, но в политической демократии и в экономике свободного предпринимательства. Важность этой концепции агента заключается в постоянном отвержении Уэсли учения о предопределении и в подчеркивании им того, что индивид разделяет ответственность за свою судьбу, а благодать освобождает его от рабства и дает возможность свободно действовать при поддержке Святого Духа.

¹⁶ *Predestination Calmly Considered*, Works (Jackson) 10:230.

¹⁷ Ibid., Works (Jackson) 10:229.

¹⁸ Sermon 60, «The General Deliverance». § 1. 3, Works 2:440.

¹⁹ Ibid., § 1. 4, Works 2:440–41.

²⁰ Ibid., § 1. 3, Works 2:440.

²¹ Ibid., § 1. 5, Works 2:441.

²² Ibid., § 1. 4, Works 2:440.

²³ Sermon 45, «The New Birth», § 1. 1, Works 2:188. «Справедливость, милосердие и истина» вместе составляют то, что Уэсли рассматривает как суммарное содержание внешнего выражения святости.

²⁴ Английское слово *obedience* происходит от латинского *ob + audio*, что означает прислушиваться, прикладывать ухо к чему-либо, выслушивать.

²⁵ Sermon 19, «The Great Privilege of Those That Are Born of God», § III. 2, Works 1:442.

²⁶ Sermon 56, «God's Approbation of His Works», § II. 3, Works 2:399.

²⁷ Letter to George Downing (April 6, 1761), Letters (Telford) 4:146.

²⁸ John Taylor, *The Scripture Doctrine of Original Sin Proposed to a Free and Candid Examination*, 4th ed. (London: J. Wilson, 1767).

²⁹ Sermon 45, «The New Birth», § 1. 2, Works 2:189.

³⁰ Sermon 60, «The General Deliverance», § II. 2, Works 2:443.

³¹ Sermon 45, «The New Birth», § 1. 4, Works 2:190.

³² Sermon 57, «On the Fall of Man», § II. 7, 6, Works 2:410.

³³ Sermon 44, «Original Sin», § III. 5, Works 2:185.

³⁴ Sermon 70, «The Case of Reason Impartially Considered», § 2, Works 2:587–88.

³⁵ Хосе Мигуэс Бонино обращает внимание на важность этой синергии для правильного понимания богословия Уэсли. Там, где синергия отвергается, в результате возникает заведомо обреченное «историческое стремление к справедливости и миру» (In Dow Kirkpatrick, *Faith Born in the Struggle for Life* [Grand Rapids: Eerdmans, 1988], 21).

³⁶ Sermon 60, «The General Deliverance», § 2, Works 2:438.

³⁷ Так Фридрих Гогартен описывает эпистемологию откровения, которой он придерживался вместе с Карлом Бартом на ранних этапах развития диалектической теологии (*Die religiose Entscheidung*. Jena: Eugen Diederichs, 1924, 50).

³⁸ Центральное место, уделяемое благодати в богословии Уэсли, было тщательно исследовано в книге: Randy L. Maddox, *Responsive Grace: John Wesley Practical Theology* (Nashville: Kingswood Books, 1994.).

³⁹ *The Doctrine of Original Sin, According to Scripture, Reason, and Experience*, in Works (Jackson) 9:191–464.

⁴⁰ Дональд Торсен обращает внимание на возможные прецеденты в англиканской теологии, повлиявшие на метод Уэсли. См.: Donald A. Thorsen, *The Weslean Quadrilateral: Scripture, Tradition, Reason, and Experience as a Model of Evangelical Theology* (Grand Rapids: Zondervan, 1990), 45–46.

⁴¹ «The Doctrine of Original Sin», Works (Jackson) 9:196.

⁴² Ibid., Works (Jackson) 9:221.

⁴³ Ibid., Works (Jackson) 9:222.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid., Works (Jackson) 9:223.

⁴⁶ Ibid., Works (Jackson) 9:235.

⁴⁷ Letter to John Taylor (July 3, 1759), Letters (Telford) 4:67–68.